

УДК 338(470)(09)
ББК 65.9(2Рос)г

А.А. Кауфман

«ЖИВАЯ ИСТОРИЯ» ОБЩИНЫ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ*

Переиздание заключительного раздела книги Александра Аркадьевича Кауфмана (1864–1919) «Русская община в процессе ее зарождения и роста», увидевшей свет в 1908 г. Подводит итог занятиям исследователя «живой историей» общины, вырабатывающей представление о движущих силах и направлениях исторической эволюции последней.

Ключевые слова: А.А. Кауфман, «живая история», община.

А.А. Kaufman

LIVING HISTORY OF VILLAGE COMMUNITY AND ITS SIGNIFICANCE

Reediting of the published in 1908 Alexander Arkadievich Kaufman's (1864–1919) book «The Russian village community in process of its origin and growth» closing chapter. The chapter sums up the author's research of the village community living history, that gives the conception about factors and trends of its historical evolution.

Keywords: A.A. Kaufman, living history, village community.

Среди множества спорных вопросов русской истории едва ли найдется более спорный, нежели вопрос о происхождения современной русской поземельной общины и характерных для нее форм уравнительно-душевого пользования землею. Вот уже сорок пять лет, как предмет спора поставлен с совершенною ясностью, и как резко высказаны два диаметрально противоположных, друг друга исключающих взгляда: с одной стороны — взгляд Гакстгаузена¹, Аксакова² и Беляева³, по мнению которых принятая у русских крестьян система равного дележа земли основана «на первоначальной идее единства

* Публикуется по: Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1908. С. 408–440. Вмешательство публикатора в текст работы ограничилось приведением полного, где это было возможно сделать, библиографического описания работ, на которые ссылается автор.

общины и равенства прав каждого члена на соответствующую долю земли, принадлежащей общине»; с другой — взгляд Чичерина⁴, полагавшего, что первобытная община на Руси была бесповоротно и бесследно разрушена вторжением новых стихий, разложивших патриархальные родственные отношения, и что современная русская община «не образовалась сама собою из естественного союза людей, а устроена правительством под непосредственным влиянием государственных начал». Сорок пять лет прошло, — и, несмотря на огромные успехи русской исторической науки, на колоссальные запасы новых фактов, осветивших вопрос о происхождении общины в некоторых совершенно новых направлениях, вопрос этот остается по-прежнему открытым, и взаимно друг друга исключаящие взгляды по-прежнему находят одинаково многочисленных и авторитетных сторонников. В виде примеров укажу, с одной стороны, хотя бы на А.С. Лаппо-Данилевского*⁵, полагающего, что «происхождение крестьянской общины следует объяснять расширением круга родовых отношений, в пределы которого стали мало-помалу входить посторонние элементы, объединяемые уже не столько кровными связями, сколько общими экономическими и духовными интересами; общность экономических интересов выражалась в существовании общинной поземельной собственности, которая, с постепенным переходом прав на собственность к великому князю, мало-помалу сменилась потомственным поземельным владением. Неопределенные границы этой собственности вызывали захватный способ землевладения; в кое-каких местностях, более населенных, при ближайшем определении границ поземельных владений общины, он превращался в общинное землевладение со свойственными ему краткосрочными или долгосрочными переделами...». На противоположной стороне мы находим, например, П.Н. Милюкова**⁶, по убеждению которого «русская община есть принудительная организация, связывающая своих членов круговым обязательством в исправ-

* Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 76–77.

** Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1: Население, экономический, государственный и сословный строй. СПб., 1900. С. 139 и сл., 204–206, 224–225.

ности отбывания лежащих на ней платежей и повинностей и обеспечивающая себе эту исправность уравнением повинностей с платежными средствами каждого члена». Эта тяглая община превращается в хозяйственную, земельную, прежде всего на землях частных собственников, у крепостных крестьян; затем, уже позднее, «правительство старается распространить этот обычай и на свободное крестьянство русских окраин», что ему, в конце-концов, и удается, — и в конечном результате «русская община есть поздний и в разных местностях разновременный продукт владельческого и правительственного влияния». Не менее категорически высказывается в том же смысле проф. Сергеевич*⁷. Он без оговорок принимает взгляд Б.Н. Чичерина, поскольку он «приписываешь возникновение общины правительственным мероприятиям, а потому и называет ее государственной». Единство общины создавалось оброком, который возлагался на целое крестьянское общество волости или нескольких волостей; благодаря этому «в крестьянских обществах возникают общие дела по управлению оказавшимися в их владении землями и угодьями», — причем «общий оброк, налагаемый отдельно на целый ряд сел и деревень, должен был повести к равномерному распределению угодий между разными селами и деревнями. На этом и останавливаются успехи общинного землевладения в допетровской Руси; равные наделы тягловцев и периодические переделы земель по их числу составляют последствие подушной подати», — в допетровскую же эпоху «обязательного надела землей не было, и каждый крестьянин брал участок таких размеров, какие были ему нужны. Повинности переделались по земле, а не земля нарезалась для платы повинностей».

Таким образом, в результате почти полувековой истории вопроса о происхождении общины, этот вопрос не приблизился, можно сказать, ни на шаг к своему решению. И уже сама авторитетность тех имен, который мы находим на стороне каждого из этих взглядов, заставляет поставить себе вопрос: в чем *коренная причина, первоисточник* этого разногласия? Я позво-

* Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. 3: Землевладение. Тягло. Порядок обложения СПб., 1903. С. 123, 362–364, 423.

ляю себе думать, что первоисточник этот — *в самом свойстве материалов, на которых историкам, по существу дела приходится основывать свои заключения*; что частный исторический вопрос о происхождении нашей крестьянской общины связывается с весьма важным общим историко-методологическим вопросом — о значении разных категорий источников как основы исторического познания. Намеки на подобного рода постановку данного вопроса уже имеются в литературе. Так А.А. Чупров⁸ в своей изданной по-немецки сводной работе* обращается, ради выяснения действительного характера эволюции общины, к непосредственному наблюдению современной жизни, где «нет необходимости прибегать к гипотетическим построениям на неверной основе недостаточных или неясных показаний исторических источников»; г. В.В.**⁹ определенно высказывает, что «существующие в нашей литературе разногласия по вопросу о происхождении общинного землевладения в России обуславливаются, главным образом, крайним недостатком относящегося сюда фактического материала». Я позволяю себе думать, что разногласия эти обуславливаются не только количественным *недостатком*, но и *качеством материала*, с которым приходится иметь дело историку, что этот материал неизбежно должен приводить к *неполному и одностороннему*, притом в одну определенную сторону, *освещению фактов исторической действительности*.

История русской общины, как известно, строится всецело на разного рода актах, вообще на документальном материале. Сторонники теории ее естественного развития ищут в этом материале следов когда-то происходивших переделов. Сторонники фискально-государственной теории в нем же ищут доказательства тому, что община создана правительственными распоряжениями. Но и те и другие знают лишь те факты, которые оставили след в каком-нибудь акте или документе, сохранившемся до нашего времени, и отвергают или, вернее, не знают тех, которые

* Tschuprow A. Die Feldgemeinschaft. Eine morphologische Untersuchung (Abh. aus d. statist. Seminar zu Strassburg, XVIII). Strassburg, 1902. С. 115; см. также мою книгу: Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886–1892 гг. СПб., 1897. С. 1.

** В.В. [Воронцов В.П.] К истории общины в России. М., 1902. С. 7.

не оставили достоверного документального следа*. Приведу только два примера: г-жа Ефименко¹⁰ упоминает о некоторых намеках и указаниях актов, дающих основание предполагать существование на севере свободных черных общин. Но против этого предположения, — говорит она, — «стоит грозная и несокрушимая твердыня писцовых книг: исключительное значение этих документов для решения вопросов подобного рода не может подлежать никакому спору, никакому сомнению. Писцовые же книги не дают ни малейших оснований предполагать такие общины черных людей»**... «Во всех документах XVI века, — говорит, наконец, один из новейших историков-экономистов, Н.А. Рожков***¹¹, — мы тщетно стали бы искать сколько-нибудь ясных и обильных следов порядков, применяемых в современном крестьянском мирском землевладении», и отсутствие таких следов, при наличии документальных указаний противоположного характера, принимается за достаточное основание для совершенно определенного и категорического решения данного вопроса. *Quod non est in actis, non est (или non fuit) in mundo*¹², как когда-то говорили римские юристы.

Позволительно, однако, поставить вопрос, не впадают ли историки в данном случае в серьезную ошибку, против которой

* Общий характер построений сторонников государственно-фискальной теории хорошо очерчен в следующих словах одного из новейших исследователей истории крестьянского землевладения на севере России г. Иванова. «Изменение взгляда на объем власти общины, — говорит он, имея в виду крайних последователей теории Б.Н. Чичерина, — отчасти обусловлено почти совершенным отсутствием материала, бесспорно доказывающего наличие у волости таких прав, каких нельзя было бы объяснить из тяглых отношений. Существование пределов подвергнуто сомнению вследствие того, что все имевшиеся в руках данные о них относились к вотчинной России; а наличие неограниченного права распоряжения у северных крестьян препятствовала принять положения, выработанные на основании этих документов» (Иванов П.И. *Поземельные союзы и пределы на севере России в XVII веке // «Древности»: Труды археографической комиссии Имп. Моск. Арх. Общ-ва. 1902. Т. 2, вып. 2. С. 196).*

** Ефименко А.Я. *Исследования народной жизни. Вып. I: Обычное право. М., 1884. С. 196.* Г. Иванов в уже цитированной работе так характеризует общее построение г-жи Ефименко: «сделавши предположение, что его источниками исчерпывается весь материал, какой только могла дать история северного землевладения, он (автор) строит теорию происхождения всех поземельных организаций сначала для севера, а впоследствии распространяет свои выводы на всю остальную Россию — отрицает существование больших, чем деревня, поземельных союзов, наконец, указывает дальнейшую судьбу найденной им на севере долевого деревенской организации» (Иванов П.И. *Указ. соч. С. 197).*

*** Рожков Н.А. *Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. 201.*

предостерегает историческая методология. «К авторам исторических источников, — говорят Ланглуа¹³ и Сеньобос¹⁴ в своем “Введении в изучение истории”*, — применяется судебная процедура, классифицирующая свидетелей на правоспособных и неправоспособных: раз допустив свидетелей, считают себя обязанными соглашаться со всеми их показаниями»... Инстинктивно берут сторону автора (вернее — исторического источника), которого считают достойным доверия, и в конце-концов, как и в судах, заявляют, что «обязанность представить улику» лежит на том, кто отвергает «законного свидетеля»; иначе сказать — «подлинность» документа вызывает к нему уважение и понуждает принимать без рассуждений и его содержание; «подлинность инстинктивно принимается за синоним *достоверности***». А между тем «выражение *подлинный* относится, в сущности, только к происхождению, а не к содержанию документа; назвать документ “подлинным” — значит только сказать, что происхождение его не подлежит сомнению, но отсюда еще не следует, что и содержание его заслуживает доверия».

Было бы, конечно, странно отвергать значение документов, актов, как источника исторического знания. «Документы (Ueber geste), — говорит Бернгейм***¹⁵, — если оставить в стороне подделки, легко обнаруживаемые внешнею критикою, не подвержены субъективному извращению заключающихся в них свидетельств, тогда как свидетельства предания, другими словами, источники описательного или повествовательного характера (Tradition) могут быть повреждены или извращены многочисленными субъективными влияниями». «Чем дальше притом документы отходят от политической сферы, тем чище и исключительнее их характер, как документальных свидетельств о фактах (Ueber-reste); таковы документы административного и законодательного характера, документы, касающиеся частноправовых сделок, судебные акты и т.п.»**** И, тем не менее,

* Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / пер. с фр. СПб., 1899. С. 127.

** Там же. С. 128, 134.

*** Bernheim E. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie / 3-te Aufl 1903. P. 430.

**** Ibid. P. 442.

«документальные следы исторических фактов, хотя и представляют собою *непосредственные свидетельства*, но отнюдь не всегда с несомненностью *устанавливают факты*. В документах и деловых бумагах *события довольно часто изображаются* (курсив мой. — А. К.), по каким-либо побуждениям, *иначе, нежели они происходили в действительности*»; с другой стороны, «*материал во многих случаях сохранился в столь неполном виде, что случайно сделавшиеся нам известными документы дают одностороннее или даже совершенно неверное представление о действительных событиях*»*. Документ, даже безусловно достоверный, далеко не всегда свидетельствует о факте: «Нередко случается, — говорит в другом** месте Бернгейм, — что *документы и акты совершены в законном порядке (ausgefertigt und vollzogen)*, а между тем, *события*, к которым они относятся или которые должны были явиться их последствием, *в действительности не имели места*... Документы остаются несомненными свидетельствами; но то *заключение*, которое я делаю на основании этих документов, — именно, что известные события в действительности наступили, — *является преждевременным и должно быть подтверждено другими источниками, которые свидетельствовали бы, что данные события действительно наступили в согласии с указаниями документов*». В конечном результате, по мнению Бернгейма***, «*документы и акты очень часто только тогда делаются понятными, когда мы их интерпретируем при помощи источников повествовательного характера*», иначе — при помощи исторического предания; и это, между прочим, потому, что, «*возникнув из известных отношений, документы, по большей части, вовсе и не преследуют цели быть понятными во все времена и предназначаются для понимания лишь непосредственно заинтересованных в деле лиц (Interessenten)*».

Историк, изучающий отдаленное прошлое русской земельной общины, лишен, по-видимому, возможности интерпрети-

* Bernheim E. Op.cit. P. 176.

** Ibid. P. 495.

*** Ibid. P. 562.

ровать сохранившиеся от тех времен неполный и отрывочный, нередко неясный документальный материал при помощи свидетельств исторического предания. Но «живая история» русской общины, другими словами — изучение современных или весьма недавних явлений эволюции форм землевладения на наших многоземельных окраинах, открывает перед нами полную возможность подобного рода интерпретаций, так как располагает, кроме тоже неполного и тоже иногда неясного документального материала, весьма обширным описательным материалом местных экспедиционных исследований; этот материал может служить проверкою показаний документов, и сопоставление с ним проливает яркий свет на значение последних*. Я, конечно, далек от мысли, чтобы те выводы, которые дает в «живой истории» интерпретация документов свидетельствами источников описательного характера, могли быть непосредственно распространены на отдаленное прошлое. Но мне кажется, что подобного рода интерпретация способна *в принципе* выяснить степень достоверности суждений, основанных на документах, и потому поможет разобраться и в общем вопросе о внутренней достоверности основанных на такого рода источниках заключений относительно отдаленного прошедшего русской земельной общины.

Позволю себе начать с примера, относящегося к совершенно другой, хотя и близкой области, — с нескольких фактов, которые меня лично впервые заставили задуматься над вопросом о значении основанных на документальном материале исторических заключений.

В 1896 году мне пришлось произвести местное исследование арендных отношений русских поселенцев на киргизских землях Тургайской области**. Как мне приходилось мимоходом упоминать в гл. II, действующий здесь с 1891 года закон, урегулировавший, между прочим, земельные права и отношения киргиз, создал, в отношении аренды киргизских земель, юридическую аномалию: он предоставил право сдачи земель в аренду

* Tschuprow A. Op. cit. P. 115; Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. С. 1.

** См.: Кауфман А.А. Переселенцы-арендаторы Тургайской области. СПб., 1897. С. 38–50.

исключительно киргизским *волостным* съездам и потребовал, чтобы выручаемые от сдачи деньги обращались на общественные надобности киргизских *волостей*. Между тем киргизская волость — исключительно *административная*, а не *земельная* единица; по землевладению киргизы группируются в совершенно иные общественные союзы — родовые или хозяйственные аулы, а некоторые угодья, местами, состоят во владении даже отдельных домохозяйств. Получается такое положение: лица и группы, в действительности владеющие землею, лишены права сдавать ее в аренду, а волостной союз, имеющий это право, не владеет ни пядью земли, которая могла бы быть объектом сдачи. Между тем в Тургайской области уже во время издания закона сидели и с каждым годом подходили вновь многие тысячи русских поселенцев, — и эти тысячи людей не имели другого способа устраиваться, как на арендованной земле. Естественно, что жизнь должна была создать какой-либо выход из созданного упомянутою выше юридическою аномалиею невозможного положения. И действительно — при молчаливом согласии администрации, выработались разнообразные обходы закона. Иногда арендные сделки приводились в формальное согласие с требованиями закона: земля сдавалась по приговорам волостных съездов, и деньги вносились арендаторами в волостные кассы. Но эти деньги составляли обыкновенно только *небольшую часть* действительной арендной платы; остальное поступало в пользу действительных владельцев сдаваемой в аренду земли, от согласия которых фактически зависела и самая сдача. Еще чаще аренды облекались в форму фиктивных исполных сделок, которые рассматривались администрациею не как запрещенные законом договоры аренды, а как договоры найма, с вознаграждением за труд известною долей обработанной пашни. За кулисами, однако, киргиз словесно или даже письменно обязывался передать исполщику и свою треть или половину обработанной земли за известное, заранее условливаемое денежное вознаграждение, и таким образом мнимая исполщина сводилась к простой денежной аренде. В большом ходу были и прямые нарушения закона: вопреки категорическим постановлениям последнего, множество крестьян продолжало арендовать

землю, без всякого прикрытия, у отдельных кибитковладельцев или мелких аулов; такие аренды происходили, чаще всего, на основании простого словесного соглашения; иногда арендаторы даже брали от сдатчиков расписки, которые, однако, как лишённые законной силы, нигде не регистрировались и, большей частью, уничтожались по истечении срока аренды.

Будущему историку русских аграрных отношений будет, конечно, не трудно составить себе правильное понятие о действительном характере описанных только что, в самых общих чертах, явлений. Если он и будет обращаться к подлинным документам, то будет их интерпретировать при помощи результатов произведенного мною местного исследования. Но предположим, что эти результаты утратились, и что историк, скажем, XXIII века должен писать историю арендных отношений в Тургайской области на основании одних только документов, сохранившихся в архивах областного правления, уездных управлений, волостных правлений и т.п.; допустим еще, что ему не посчастливилось напасть на те немногие бумаги, в которых имеются указания на фиктивный характер большинства исполненных сделок и приговоров волостных съездов. Этот историк нарисовал бы совершенно, может быть, верную документам, но совершенно неверную действительности картину: он пришел бы к убеждению, что киргизская волость действительно была *земельною* единицей, и ничего не узнал бы о роли мелких аулов и отдельных кибитковладельцев как действительных владельцев и сдатчиков земли; он совершенно неверно изобразил бы хозяйственные отношения киргиз и переселенцев как основанные преимущественно на исполном найме первыми последних на земледельческие работы; наконец, он пришел бы к совершенно неверным заключениям относительно арендных цен на киргизские земли. *От всех этих ошибок избавляет только интерпретация документов при помощи воплощенного в данных местного исследования описательного материала.*

Возвращаемся теперь к нашей теме. Мы приводили выше, в гл. III 2-ой части этой книги, фактические данные, касающиеся роли административного давления в эволюции форм землепользования в Сибири от вольного захвата к уравнительному

пользованию. Административное давление — мы видели — несомненно было, и в некотором числе случаев это давление, действительно, вызвало переход от захватного к уравнительному пользованию. Исследование дает, однако, факты и другого рода*. В том же Ишимском уезде, где давление администрации, действительно, вызвало ряд случаев передела, некоторые общества одной очень многоземельной волости, «хотя на бумаге и постановили приговоры о переделе, но в действительности не произвели передела и остались при прежних, свободных формах пользования», а в другой, еще более многоземельной волости не состоялось и приговора, и все настояния начальства разбились об упорное сопротивление богатой части населения. Характерны затем констатированные исследованием Забайкальской области случаи, когда эволюция форм землепользования, искусственно направленная, путем административного воздействия, на путь передела, затем возвращалась к своему естественному течению, — когда, другими словами, следы искусственно введенного передела стирались, и на место уравнительного вновь водворялось захватное пользование. Так, в некоторых инородческих общинах, где сенокосы были переделены после отграничения инородцев от казаков, «следы этих переделов настолько стерлись, что юридическое их значение совершенно уничтожилось, и владельцы покосов основывают теперь свое право на все владеемые ими участки на том, что пользуются ими со старины»; в некоторых казачьих общинах казакам пришлось сделать поровнение пашен, чтобы наделить вновь приписанные,

* Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. С. 69–70; *Материалы Высочайше утвержденной под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения в Забайкальской области. Вып. 10: Формы землепользования / М. Кроль. СПб., 1898. С. 163–164, 178; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний: Иркутская губерния. Т. 2, вып. 3. М., 1890. С. 202–203; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний: Енисейская губерния. Т. 4, вып. 3: Землевладение. Формы землевладения / сост.: В.Ю. Григорьев, М.М. Дубенский. Иркутск, 1894. С. 193; Материалы для изучения экономического быта Государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 5, ч. 2: Экономический быт государственных крестьян Ишимского округа Тобольской губернии / А.А. Кауфман. СПб., 1889. С. 142; Материалы для изучения экономического быта Государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 13, ч. 2: Экономический быт государственных крестьян и оседлых инородцев Туринского округа Тобольской губернии / А.А. Кауфман. СПб., 1891. С. 9–11.*

распоряжением начальства, казачьи семьи; но «так как земельных угодий у них очевидно оставалось достаточно и после поравнения, то пользование пашнями, по существу, до сих пор, несмотря на протекшие 40 лет, остается захватным».

Еще более красноречивы, нежели эти частные факты, общие данные о степени распространенности переделов в разных местностях Сибири. Сенатское разъяснение 1884 года, о котором говорилось в III главе, в равной мере относилось ко всем четырем сибирским губерниям и к Забайкальской области; и везде за ним последовали постановления и циркуляры, превращавшие это разъяснение в совет, а затем — и в приказание. Но *влияние* административных воздействий оказалось далеко не одинаковым. В западной, малоземельной части Тобольской губернии переделы, в той или другой форме, последовали более или менее повсеместно, причем, однако, лишь в сравнительно немногих местностях это были *первые* переделы, — другими словами, лишь в немногих случаях сенатское разъяснение вызвало или ускорило *действительный переход* от захватных форм к душевому пользованию. В других местностях — весь Курганский уезд, большая часть Ишимского и Ялуторовского, Туринского, Тобольского — последовавшие за разъяснением переделы были уже вторыми, третьими, четвертыми переделами, — другими словами, душевая форма существовала уже десятки, если не сотню лет, и, по-видимому, нет никакого основания предполагать, чтобы первоначальное возникновение их было связано здесь с каким-либо административным воздействием. В многоземельных Томской и Енисейской губерниях переделы констатированы исследованием всего в немногих, единичных случаях, — например, в Енисейской губернии пахотные земли, ко времени исследования, были переделены всего в трех общинах. В Иркутской губернии зарегистрировано, мы видели, всего 20 случаев «общего поравнения» пашен; в том числе 15 — под непосредственным влиянием разъяснения 1884 года. *Но все эти 15 случаев относятся к одной местности* — именно к нескольким смежным между собою, малоземельным волостям Иркутского уезда, где и до циркуляра шли толки о переделе, и последний не осуществ-

влялся лишь благодаря тому, что крестьяне «не знали своих прав»; последовавший за сенатским разъяснением циркуляр только *устранил препятствия*, не дававшие осуществиться уже назревшему здесь переходу к душевому пользованию. В других частях губернии, более богатых землею, тот же циркуляр совершенно не отразился на формах землепользования. Наконец, в Забайкальской области замечается резкая разница между многоземельным восточным Забайкальем и сравнительно малоземельною, западную половиною области: в восточном Забайкалье, у казаков и инородцев, еще всецело господствуют захватные формы; уравнительно-душевое пользование начало распространяться лишь среди крестьян, причем, однако, и у них поравнения применяются только по отношению к 4,1% общей площади пашен. В западном Забайкалье уравнительно-душевое пользование сделало несравненно большие успехи, и в настоящее время переделяется: у некрещеных инородцев — 26,5%, у крещеных — 59,4%, у казаков русских 25,0%, у казаков-инородцев — 45,9%, у крестьян даже 79,8% общей площади пахотных земель.

Конечно, как исследователи сибирской общины, так и авторы, сводившее и разрабатывавшие добытые ими материалы, не могли не задаваться вопросом о роли административного воздействия, — не могли не ставить себе, в частности, вопроса, почему это воздействие в одних случаях действительно влекло за собой передел земель, в других — оставалось совершенно безрезультатными. Некоторые намеки на решение поставленного таким образом вопроса приведены уже в предыдущем изложении, — сущность дела, говоря словами А.А. Чупрова*, сводится к тому, что «воздействие администрации отражается только на *темпе* эволюции: там, где внутренний процесс развития форм землепользования не успел подготовить почвы для перехода к душевому пользованию, — там администрация, несмотря на все свои старания, не могла добиться никакого результата». Или, как подробнее развивает ту же мысль г. Кроль: распоря-

* Tschuprow A. Op. cit. P. 132; Качоровский К.Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования). Т. 1. СПб., 1900. С. 160, 238–248.

жения начальства «в иных местах являются *последним толчком* к осуществлению давно назревшей потребности в поравнении, и тогда, сыграв скромную роль этого толчка, начальственное предписание перестает иметь какое бы то ни было значение: жизнь общины продолжает идти своим путем, — поравнения или переделы повторяются по мере надобности, регулируемые согласно выработанным общиной на этот счет обычно-правовым воззрением. Там же, где потребности в уравнительном пользовании еще нет (другими словами — где земельный простор дает каждому возможность и без поравнения пользоваться, на захватном праве достаточным по его потребностям и хозяйственной силе количеством земли. — *А. К.*), циркуляры очень редко приводят к действительным поравнениям. Переделы или поравнения наступают лишь тогда, когда в поравнении земельных угодий заинтересовано значительное большинство членов общины, которое при разделах земли ревниво следит, чтобы все малоземельные были удовлетворены по справедливости»*.

Данные местных исследований дают, затем, немало и других указаний, способных пролить свет на действительное значение административного воздействия. Прежде всего, известную роль может играть здесь следующее, так сказать, хронологическое соображение: в более систематическом виде административное воздействие на формы землепользования проявилось в Сибири лишь в половине 80-х годов прошлого столетия. Между тем в таких местностях как западная часть Тобольской губернии, западное Забайкалье, а по-видимому, и северные (не охваченные экспедиционным исследованием) окраины губерний Томской и Иркутской, переделы имеют гораздо более раннее происхождение, и начало их относится к таким временам, когда либо вовсе нет данных предполагать административного воздействия, либо это последнее могло встречаться только спорадически и вызываться лишь теми или другими случайными обстоятельствами.

* См. также: Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. С. 70; Материалы Высочайше утвержденной под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения в Забайкальской области. Вып. 10: Формы землепользования / М. Кроль. С. 178, 183; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний: Иркутская губерния. М., 1890. Т. 2, вып. 3. С. 202–203.

Гораздо важнее, однако, следующее соображение: административное воздействие, — где оно явилось не *последним поводом*, устранившим те или иные внешние препятствия к переделу, а *самостоятельным, творческим моментом*, — неизбежно должно было выразиться в каком-либо резком скачке, в каком-либо переломе в ходе развития форм пользования землею. И действительно: в северо-западном углу Ишимского уезда, где естественный ход вещей, несомненно, еще не требовал перехода к душевому пользованию, захватное пользование, под влиянием распоряжений администрации, было разом заменено переделом на души *всех* угодий, в некоторых общинах — до выгонов включительно (!), причем применявшиеся здесь приемы обмера и уравнительного распределения угодий совершенно не гармонировали с общим характером землевладения и землепользования и с традиционными формами «поравнения» в данной местности*. В виде общего правила дело шло совершенно иначе. Процесс эволюции форм землепользования совершался не быстрыми и резкими скачками, а медленно и постепенно. Неограниченный захват прежде всего уступал место ограниченному захватным формам; затем, мало-помалу, появлялись «частные поравнения», — община в отдельных случаях отбирала излишек земли у многоземельных дворов и отводила отрезанную землю в надел дворам, особенно в ней нуждающимся; постепенно учащаясь, такие частные поравнения, в конце-концов, приводили к «общему поравнению» — несовершенной форме передела, из которой в свою очередь, развивались более точные и совершенные формы уравнивания пахотных земель. В других случаях постепенность эволюции выражалась в иной форме: переделывалась лишь *часть* пахотных земель, которая либо имеет особенную ценность, либо по отношению к которой менее приходится или вовсе не приходится считаться с захватными правами отдельных общественников и в особенности — с правом затрачен-

* Материалы для изучения экономического быта Государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 5, ч. 2: Экономический быт государственных крестьян Ишимского округа Тобольской губернии / А. А. Кауфман. СПб., 1889. С. 142–143; см. также: Кауфман А. А. Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г. Иркутск, 1900. С. 163.

ного на разработку труда. Так или иначе, — естественный процесс эволюции форм пользования совершался весьма медленно и постепенно: в мелкоступенчатой лестнице последовательно сменяющихся форм пользования нет такого перерыва, в котором могло бы поместиться административное воздействие, не в качестве случайного, помогающего или ускоряющего момента, а в качестве органического творческого фактора; с другой же стороны, переход с одной ступени на другую совершается так просто и естественно, что для объяснения его нет и надобности вводить такой искусственный фактор как административное давление*. В еще большей мере сказанное справедливо по отношению к другому рода угодыям, — сенокосам, общественным лесам и т.п. Эволюция форм пользования лесными сенокосами, иначе — сенокосными расчистками, шла, в общих чертах, приблизительно тем же путем постепенных ограничений захватного права, как и эволюция форм пользования пахотными землями. Первоначальной формой пользования степными и т.п. покосами было вольное пользование с ежегодным закосом, иначе сказать, — однолетний захват; ограничение захватного права выразилось, прежде всего, в уничтожении права закоса; дальнейший переход от вольного пользования к общеупотребительным для степных покосов формам ежегодного передела («набой душ», «расписывание по урочищам») совершается через ряд столь неопределенных форм и столь незаметных переходных ступеней, не поддающихся, нередко, даже точному описанию и разграничению, что исчезает всякая возможность определить момент, когда прекращается вольное пользование и начинается душевое; трудность точно определить этот момент еще возрастает в тех нередких случаях, когда «форма пользования покосами изменяется в зависимости от урожая трав: при хороших урожаях покосы косятся вольно, при худых они переделываются по способу «расписывания по урочищам». Очевидно

* См. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. С. 77–88; см. также: Материалы Высочайше утвержденной под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения в Забайкальской области. Вып. 10: Формы землепользования / М. Кроль. С. 45–58, 78–107, 176–191 и др.; Кауфман А.А. Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г. С. 128–136.

без подробных разъяснений, что все это происходило не только помимо воздействия, но даже и без ведома какого бы то ни было начальства, — да воздействие, по существу, и не могло найти себе места в очерченной, в кратких словах, эволюции.

Далее, в Западной Сибири уравнительно-душевое пользование существует еще по отношению к лесам, причем душевой принцип иногда выражается в форме ежегодной вырубке определенного, на каждую разверсточную единицу, количества лесных материалов, иногда — в форме периодического передела лесной площади на душевые участки; к кедровникам, причем некоторые общины ежегодно отводят на душу, для сбора ореха, определенное количество деревьев, по большей же части душевой принцип находит себе выражение в определении числа сборщиков, которых каждая земельно-платежная единица может выпустить на сбор кедрового ореха; наконец, к рыболовным угодьям, по отношению к которым наблюдаются весьма интересные комбинация общинно-душевого начала *пользования угодьем* с артельной формой *организации труда*. И во всех этих случаях не только не может быть речи о каком-либо административном воздействии, но напротив — раздел общинных лесов на душевые участки даже воспрещался как несогласный с законом и вредный для сохранения лесов*.

Очень любопытные данные по рассматриваемому вопросу добыты исследованием Забайкальской области. Исследование это констатировало ряд фактов, где возможность административного воздействия исключалась самим существом вещей, или где уравнительное пользование устанавливалось вопреки закону и распоряжениям администрации. Так, об административном воздействии не могло быть, конечно, речи по отношению к так называемым «китайским покосам», — сенокосным угодьям, которыми казаки некоторых пограничных станиц свободно пользуются в китайских пределах; а между тем в некоторых

* См. в особенности: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 8, т. 1: Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии / Н.О. Осипов. СПб., 1890. С. 95–192; Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 21, т. 2: Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии / Н.О. Осипов. СПб., 1894. С. 401 и сл.

станциях «китайские» покосы состоят в душевом пользовании, причем иногда они вводятся в общий передел с надельными покосами, а иногда казачьи поселки, для распределения «китайских» покосов, образуют сложные общины совершенно особого состава. Не менее характерны и другие случаи, где крестьянские и инородческие общества переделают, на общих с надельными угодьями основаниях, угодья, самовольно захваченные в чужих межевых дачах. Столь же резкий пример того же рода представляют формы пользования пашнями у бывших горнозаводских крестьян Нерчинского уезда; получив надельные пахотные земли, по уставным грамотам, в *подворное* владение, они возбудили ходатайство о сдаче им земли в аренду в общее пользование, причем «распределение между домохозяевами обязывались произвести по усмотрению сельского схода, а за исправную уплату арендной платы ручались круговою порукой»; и это — в ответ на объявление начальства Нерчинского округа, предлагавшее *каждому домохозяину отдельно* взять в аренду участок в 15 десятин*... И, напротив — общинно-уравнительные формы наименее распространены у казаков, т.е. как раз у единственного разряда населения Забайкальской области, которому закон *предписывает* уравнительное пользование земельными угодьями: закон, как и административное воздействие, оказался бессильным ввести уравнительный формы, где земельный простор благоприятствовал сохранению захватных форм; и, наоборот — общинно-уравнительные формы сложились помимо всякого правительственного воздействия или даже вопреки ему, где находили благоприятную для себя почву в общих условиях землевладения и хозяйства.

Исследование крестьянского землепользования и хозяйства в Сибири, используя, хотя далеко не исчерпывающим образом, документальный материал, оперировало, однако, по преимуществу экспедиционным путем, собирая на местах, помощью опроса крестьян те данные, которые могли служить для характеристики интересовавших исследование явлений. Благодаря

* Материалы Высочайше утвержденной под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения в Забайкальской области. Вып. 10: Формы землепользования / М. Кроль. С. 145.

этому исследование дало возможность нарисовать широкую и детальную картину современных форм землепользования крестьян и инородцев и последовательности в их смене. Эта картина охватывает формы пользования всеми видами крестьянских угодий и самые разнообразные, нередко едва поддающаяся точному различению, разновидности этих форм, благодаря чему и получается возможность с достаточною точностью выяснить последовательную смену форм и установить относительное значение разных моментов, влияющих на их эволюцию. Я попросил бы, однако, читателя поставить себя в положение историка XXII столетия, которому пришлось бы воссоздать эту картину на основании одного лишь того документального материала, который собран исследованием, или который еще будет найден впоследствии в губернских, уездных и волостных канцеляриях. Не трудно видеть, какое однобокое, неправильное представление такой историк получил бы об интересующих его явлениях: ему нетрудно было бы запутаться в разных формах первобытного захвата, а допускаемые при господстве этих форм переуступки, документальные следы которых попали бы ему в руки, принять за доказательство наличности индивидуального или подворного владения; от него осталась бы скрытою вся та медленная эволюция форм пользования, которая не находила себе выражения в письменных приговорах, и отдельные моменты которой не вызывали ни жалоб, ни вмешательств начальства, ни тяжб в волостных судах; он не знал бы ничего ни о тех случаях, когда воздействие правительственных органов вовсе разбилось о пассивное сопротивление населения; ни о тех, где эволюция, отклонившись, под влиянием административного давления, от нормального течения, затем возвращалась в свое естественное русло; ни, наконец, о тех, когда состоявшиеся под таким воздействием документальные акты имели более или менее фиктивный характер, а жизнь, под покровом этих актов, шла совершенно иным путем. И для него было бы не только вполне возможно, но даже, может быть, неизбежно видеть в истории сибирского общинного землепользования только ряд административных воздействий, в конце-концов, успевших внедрить в некоторых районах Сибири, несмотря на явное, местами, не-

желание и сопротивление населения, совершенно чуждые ему и не вытекавшие ни из какого внутреннего процесса развития формы землепользования.

Вернемся, однако, к истории. Факты административного и землевладельческого воздействия на формы крестьянского землепользования настолько несомненны и общеизвестны, что мне нет надобности напоминать о них читателю. Просматривая книгу г-на В.В. «К истории общины в России», содержащую богатый архивный материал по истории форм землепользования у удельных крестьян или соответствующая главы второго тома «Крестьян при Екатерине II» В.И. Семевского¹⁶, я не раз испытывал такое впечатление, что читаю не «*историю общины*», а *историю административных мероприятий*, направленных к более или менее насильственному внедрению в крестьянскую среду общинных форм и распоряжков*. Аналогичные факты дает нам в изобилии и история четвертных крестьян — и здесь, казалось бы, все сводится к усмотрению и степени энергии тех или других представителей администрации. «Где окружные начальники действовали однообразно, — говорит Н.А. Благовещенский¹⁷ в своей книге «Четвертное право»**, — все выходило гладко. Так, например, Обоянский окружной почему-то страшно расположен был к душевому поравнению; в результате видим почти сплошной переход этого уезда с четвертей на души». Я не буду напоминать и о тех многочисленных случаях, приводимых в особенном изобилии в только что названной работе г-на В.В., когда распоряжения подлежащих властей приводились в исполнение вопреки решительному нежеланию и упорному, иногда многолетнему сопротивлению населения, и таким образом действительно являлись, употребляя образное выражение г-жи Ефименко, «декретами конвента», ломавшими жизнь и направлявшими ее на совершенно новые, чуждые ей пути.

* Несмотря на разъяснение департамента уделов, что его распоряжения в виду производство уравнения в тех лишь случаях, когда сами крестьяне того пожелают, «некоторые управляющее удельными конторами особенно настаивали на производстве раздела земель и издавали повторные предписания о применении циркуляра 29 февраля 1812 г., не всегда будучи побуждаемы к этому ходатайствами малоземельных крестьян» (История уделов за столетие их существования: 1797–1897. СПб., 1902. Т. 2. С. 14).

** Благовещенский Н.А. Четвертное право. М., 1899. С. 139.

Но, даже оставаясь в пределах того же документально-го материала, мы находим не мало указаний и другого рода — указаний, которые, мне кажется, уже сами по себе должны заставить усомниться в нашем *праве обобщать* не подлежащее никакому сомнению факты административного или вообще внешнего воздействия и придавать им самостоятельно-творческое значение.

Прежде всего, в действиях и распоряжениях правительства по данному вопросу нельзя усмотреть ничего похожего на сколько-нибудь определенную, планомерно-проводимую политику, при которой, вообще, только и можно было бы ожидать серьезного влияния правительственных воздействий на столь сложное явление как формы землепользования, — явление, затрагивающее притом существеннейшие народные интересы. Напротив, в этой политике замечаются постоянные и резкие колебания, и распоряжения не только различных, но даже иногда одних и тех же органов центральной или местной администрации полны непримиримых противоречий. К 1766 году относятся знаменитые межевые инструкции, которым приписывается такая творческая роль в деле создания крестьянской земельной общины. Между тем почти к тому же моменту, именно к 1767 году, относится и приводимое В.И. Семевским распоряжение главной дворцовой канцелярии, предписывавшее «пашенною землею и угодьями, впредь до рассмотрения канцеляриему, владеть, как до сего владели, и собою друг у друга не отнимали бы и во владение не вступали», а указом 1789 года предписывается делить землю «е по прихотям, а по писцовым книгам и крепостям»*. Как во внутриобщинной жизни, так и в действиях и распоряжениях правительства «постоянно сталкиваются, как отметила еще г-жа Ефименко**, два правовых принципа, не имеющих между собой ничего общего и друг друга взаимно исключающих: с одной стороны — право, держащееся на старых документах и других законных (или, как осторожнее было бы выразиться, облеченных в законные формы. — А. К.) основани-

* Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1901. Т. 2. С. 73, 651.

** Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. С. 326.

ях; с другой стороны, тоже признанное законом право каждой ревизской души на известное земельное обеспечение», — и это столкновение принципов, если не порожденное, то, во всяком случае, поддерживаемое, главным образом, непоследовательностью правительственной политики, «раскрывало широкое поле действию хищнических инстинктов и злоупотреблениям всякого рода». В.И. Семевский* приводит любопытнейшие данные о поравнении земель в Олонецкой губернии, которое, начавшись вследствие приказов директора экономии, основанных на распоряжениях генерал-губернатора Тутолмина, вскоре затем прекратилось вследствие диаметрально-противоположных распоряжений губернатора Державина, не стеснявшегося даже отбирать у крестьян директорские приказы, — и совершенно аналогичную историю поравнения в Шенкурском уезде, где «управительские дела» не решились привести в исполнение приказа дворцовой канцелярии о переделе в виду распоряжения губернатора Головцына «о неотнмании от большетьяглых ныне имеющих за ними во владении земель и о неотдаче малотьяглым и нерадивым крестьянам». Но особенно яркую картину подобной непоследовательности и подобных колебаний представляет нам изображенная г-ном В.В. в его новейшей, уже названной, работе история переделов у удельных крестьян. Удельное ведомство по самому своему учреждению брало на себя обязанность пещись об уравнительном наделении землею крестьян. Между тем центральное его учреждение — департамент уделов, принимая удельных крестьян в свое заведывание, «не имел определенного мнения относительно вопроса об уравнивании крестьянских земель и обладал даже очень смутными понятиями о порядках крестьянского землевладения на севере»**. В 1799 г. департамент предписывает произвести передел «с наблюдением совершенного равенства, включая в сей общий раздел и те земли, которыми некоторые поселяне владеют по купчим и закладным, как по документам, уничтожающимся по закону», — а в 1802 году признает себя «не в праве уничтожать

* Семевский В.И. Указ. соч. С. 61, 633–641; см. также. С. 61.

** Семевский В.И. Указ. соч. С. 20; см. также. С. 13, 58.

законно совершенные крепости и закладные» и предписывает, чтобы «малоземельные крестьяне получали удовлетворение своих требований, по возможности, не отводами земли от многоземельных хозяев, а наделением из впусе лежащих при селениях земель, которые должны быть расчищены общими силами всего селения». По одному представлению своих местных органов департамент отменял начатый раздел земель, по другому — восстанавливал его; удельная администрация «первоначально многократно побуждает свои приказы к производству уравнительного раздела земель, а впоследствии не только терпимо относится к приговорам крестьян о сохранении за селениями прежних владений, но и сама поощряет их к этому»; один и тот же удельный чиновник по одному и тому же делу дает три совершенно противоречащие друг другу предписания. В собранных г. В.В. документах имеется, с одной стороны, немало указаний на «многократные понуждения» к производству передела, на «угрозы, насилия и притеснения», на «битье и сажанье на цепь несогласных», — но с другой стороны, приводятся и случаи, когда низший чиновник удельного ведомства постановлял «начатый, но не оконченный раздел во всех частях оставить и рекомендовал удовлетворить в недостающем из пустопорожних земель с помощью от большеземельных»*... Не менее любопытные данные мы находим в работ г. Благовещенского о четвертном праве**. Я упоминал уже о роли Обоянского «окружного» в деле перехода на души. Зато другой окружной, Суджанский, был решительно против такого перехода; «хотя он был почти бессилен пресечь действие циркуляра, разъяснявшего право четвертных по общественному приговору переходить к душевому владению, но немало затормозил ход душевого поравнения своими советами противникам передела, а также кое-какими препятствиями и проволочками», — и, например, в пригородных слободах, успевших переделить одно поле пахотных земель, другие два поля, благодаря его вмешательству, остались по-прежнему «по четвертям».

* В.В. Указ. соч. С. 16, 20, 25, 27, 31, 41, 123–124; см. Семевский В.И. Указ соч. С. 77.

** Благовещенский Н.А. Указ соч. С. 138–139.

У В.И. Семевского и в особенности у г. Благовещенского*, оперировавшего не только с документальным, но и с распросным материалом, имеются прямые указания на «денежную молитву», которая приносилась то сторонниками, то противниками передела, то тою и другою стороною одновременно, и которая являлась если не главною, то, во всяком случае, существенною причиною, обусловливавшею иногда слишком активное сочувствие, иногда решительное противодействие местных органов администрации введению уравнительного передела. Но эта «денежная молитва», прежде всего, гораздо больше благоприятствовала зажиточным «широкодачникам», противникам передела, нежели хлопотавшей о поравнении бедноте. А затем — ведь взятка, в особенности если она была результатом сбора, производившегося среди сторонников или противников передела, являлась лишь одним из проявлений той борьбы за передел, которая происходила издавна *внутри* самих общин. Но даже и независимо от «золотой молитвы», постоянные колебания во взглядах правительственной власти и противоречивость ее распоряжений в значительной мере вытекали из того обстоятельства, что правительственное вмешательство не было каким-то *deus ex machina*, не проистекало из предначертаний какой-то общей, последовательно проводимой по заранее начертанному плану, аграрной политики, а являлось лишь откликом на ту борьбу, которая издавна происходила в общинах между сторонниками и противниками передела. Уже наказания крестьянских депутатов Екатерининской законодательной комиссии, по свидетельству В.И. Семевского**, «доказывают, что, начиная с 60-х годов XVIII века, малоземельные крестьяне северной России добивались введения переделов земли, и что правительственные меры были лишь ответом на настоятельные просьбы крестьян, нуждавшихся в более уравнительном пользовании землею»; точнее выражаясь — ответом на просьбы *малоземельной части крестьян*, которая не могла собственными силами справиться с сопротивлением широкодачников. Таким ответом или откликом, по крайней мере, в виде правила, являлись как общие

* Благовещенский Н.А. Указ соч. С. 138–139; Семевский В.И. Указ соч. С. 651.

** Семевский В.И. Указ соч. С. 605.

законодательные акты и административные мероприятия, так и в особенности частные распоряжения центральных и местных властей, и, например, департамент уделов, издав в 1812 году циркуляр об уравниении земли по душам 6 ревизии, затем неоднократно разъяснял, что этот циркуляр издан лишь «с целью производства уравниения земель, если сами крестьяне признают это нужным»*. В работах гг. Семевского и В.В.** мы находим немало документальных указаний, свидетельствующих о том, что администрация в принудительном, хотя бы, введении передела видела единственный способ «для отвращения неустойств и взаимных распрей», для пресечения «буйств и дальнейших опасных неприятностей». В центральные и местные учреждения поступали то прошения малоземельных, более или менее убедительными доводами доказывавших безусловную для них необходимость в земельном поравнении и неосновательность притязаний широкодачников, и за такими прошениями следовали распоряжения и настояния о производстве уравниительного передела; то обставленные также весьма существенными доводами жалобы широкодачников на нарушение их прав, основанных, с одной стороны, на вложенном в разработку угодий труде, с другой — на разного рода, если не законных, то во всяком случае облеченных в законную форму документах, — и сделанное распоряжение о переделе отменялось или ограничивалось новым распоряжением, вовсе приостанавливавшим раздел или исключавшим из него расчистные и крепостные земли.

Далее, самое содержание тех распоряжений, которыми правительство пыталось регулировать и изменять внутриобщинные отношения, несомненно заимствовалось из жизни, из действительно практиковавшихся порядков внутриселенного или междуселенного поравнения. «Циркуляр 29 февраля 1812 года об уравниении землепользования удельных крестьян по душам 6 ревизии, — читаем мы в официальной «Истории уделов»***, — исходил из того положения, что, как известно

* История уделов за столетие их существования. С. 14.

** Семевский В.И. Указ соч. С. 36, 54, 62, 71, 76; В.В. Указ. соч. С. 6–7, 10, 17, 64, 93–99.

*** История уделов за столетие их существования. С. 12.

по опыту, крестьяне сами хорошо знали качество состоявших в их пользовании угодий и при помощи простых приемов уравнительно *разверстывали их между собой*, не нуждаясь в этом отношении в руководительстве чиновников». И достаточно прочесть, например, такой документа, как напечатанное в книге г. В.В.* «наставление» о порядке производства переделов, составленное в 1798 году Вельским нижним земским судом, чтобы видеть, что изложенные здесь детальные указания относительно техники уравниения разных видов угодий не могли быть теоретически построены полуграмотными канцеляристами «нижнего суда», а были лишь сколком со способов уравниения, уже фактически практиковавшихся, в данной местности, крестьянами. С другой стороны, распоряжения эти содержат также и немаловажные фактические указания, дающие им, до известной степени, характер свидетельств исторической традиции. Я не склонен, конечно, придавать решающего значения ссылкам на «местный обычай, в каждом селении издавна принятый»**, которые встречаются в распоряжениях о производстве передела: обычай мог быть и сочинен *ad hoc*, если не тем или другим чиновником, то крестьянами, ходатайствовавшими о переделе, хотя конкретные ссылки на способы раздела «четвертями, паями, полосами и т.п. подразделениями» и позволяют предполагать в таких ссылках отражение действительных жизненных фактов. Но зато весьма существенными я считаю те указания, которые могут быть извлечены из некоторых распоряжений, направленных к *запрещению* или *ограничению* переделов. В книге г. В.В.*** приводится, например, один циркуляр департамента уделов, где говорится об обычных в некоторых местностях ежегодных переделах, производящихся «не по какой-либо необходимости, но без всякой цели, единственно токмо по укоренившемуся издавна обычаю, с явным ущербом для успехов земледелия вообще и для крестьян в частности», и предписывается на будущее время допускать переделы и поравнения тягол только при ревизиях, а

* В.В. Указ. соч. С. 11.

** Там же. С. 86.

*** Там же.

проф. Ходский*¹⁸ приводит распоряжение дореформенного министерства государственных имуществ, которое вменяло своим местным учреждениям в обязанность «в отношении передела земли между крестьянами *наблюдать, чтобы к переделу не приступали без крайней необходимости*, допуская его только при новой ревизии или в случае значительного изменения числа наличных душ». Правда, эти распоряжения относятся к сравнительно позднему времени, которому предшествовало более полувека всяких распоряжений и воздействий. Но никакие распоряжения и воздействия никогда не задавались целью ввести в обычай *частые*, а тем более, *ежегодные*, переделы, и потому приведенные и другие подобные распоряжения должны быть приняты за несомненные свидетельства существования такого бытового явления, которое возникло, существовало и, как известно, продолжает существовать независимо или даже вопреки административному воздействию.

Я должен, затем, коснуться имеющего тесную связь со сказанным вопроса о влиянии на общинно-земельные распорядки правительственных мероприятий в области податного обложения. Как известно, водворение среди государственных и вообще не крепостных крестьян общинно-уравнительных форм землепользования представляется сторонникам «государственной» теории происхождения общины результатом, главным образом, введения подушной подати, — подобно тому, как душевое пользование у крепостных крестьян было введено помещиками, чтобы гарантировать более исправное отбывание крепостного тягла. Спрашивается, однако, — говорит по этому поводу г. В.В.** — есть ли это единственный или, по крайней мере, наиболее легкий способ обеспечения исправного поступления податей? Не было ли бы уместнее, не производя радикальной ломки порядков частновладельческого владения землею, настоять на том, чтобы раскладка государственных податей (исчисляемых в общей сумме по числу душ, занесенных в ревизские

* Ходский Л.В. Земля и земледелец: Экономическое и статистическое исследование. СПб., 1891. Т. 2. С. 97.

** В.В. Указ. соч. С. 5.

сказки) производилась внутри общины (тяглой) не по числу душ, а по количеству владеемой каждой земли, — система, известная населению по прежней практике. И если вместо упорочения этой системы простого сообразования платежей каждого двора с размерами его землевладения (что неоднократно предписывалось администрацией, но оставалось неисполненным) государство громадно усложнило дело, потребовав, чтобы вместе с переложением платежей внутри общины с душ на землю было произведено и уравнивание крестьянских земельных участков, — то не произошло ли это потому, что идея уравнивания находилась в согласии с желаниями массы крестьян; что, предписывая переделы крестьянских угодий, правительство удовлетворяло не только требованиям фиска, но и выяснившимся экономическим нуждам населения? Эти и сходные в существе соображения, высказываемые г. В.В. по вопросу о влиянии помещичьего давления на развитие форм душевого пользования у крепостных крестьян, мне кажется, чрезвычайно убедительны. Как было выяснено еще покойным Трироговым, подушное обложение *податных общин* совместимо с каким угодно принципом *внутренней раскладки* лежащих на общине платежей, в том числе и с раскладкою по фактическому пользованию землею. А между тем, введение (вернее, сохранение) внутри земельных общин раскладки по существовавшему пользованию землею было бы мерю не только более простою, но, вместе с тем, и гораздо более целесообразною, собственно с финансовой точки зрения, нежели передел земли на ревизские души. Если бы, в самом деле, правительство заставило податные общины разверстывать платежи пропорционально существовавшему распределению землевладения, — то этим самым была бы достигнута разверстка соответственно *действительной хозяйственной силе*, а следовательно, и *платежной способности* отдельных домохозяйств, что явилось бы, конечно, лучшею гарантией исправного поступления платежей. Напротив, понуждая податные общины переделывать землю, правительство ослабляло широкодачников, т.е. лучших плательщиков, и перелагало значительную долю платежей на вновь наделяемые землей малоземельные хозяйства, т.е. на такие платежные единицы, которым еще

предстояло обосновать свое благосостояние на вновь отводившейся им в надел земле, и которых хозяйственная будущность, а следовательно, и платежная способность, являлась более или менее проблематической и даже сомнительной, — сомнительной потому, что самая малоземельность этих домохозяйств, при наличии простора для новых разработок, являлась *не причиною, а следствием* хозяйственной их слабости, причины которой лежали где-либо вне вопроса о размерах землевладения. Что подушное обложение само по себе не обуславливает внутренней необходимости в душевом поравнении земель и не ведет за собой, как свое естественное следствие, административного воздействия в пользу передела, — это подтверждается, между прочим, и данными сибирских исследований. В многоземельных местностях Сибири (совершенно так же, впрочем, как и на севере Европейской России) захватные формы продолжают существовать у крестьян, несмотря на вековое существование подушной подати, — и в то же время, мы знаем, душевые формы, при наличии известного «утеснения», сделали большие успехи среди инородческого населения, обложение которого построено на совершенно других началах. Стремление крестьянских общин привести податное бремя в соответствие с размерами пользования землею выражалось и выражается, пока земли много, *не в разделе угодий пропорционально платежам, а в раскладке платежей пропорционально посевам, скотоводству, вообще благосостоянию*. Административное давление, если оно направлялось к внедрению душевого пользования, оставалось безрезультатным, а в Енисейской губернии это давление было даже прямо направлено на изменение платежных раскладок в соответствии со сложившимся при захватных формах действительным пользованием землею. Переход же к уравнильно-душевому пользованию совершался только там, где того требовали общие условия землевладения и, главным образом, наступившее земельное утеснение, причем при таких обстоятельствах подушное обложение, действительно, являлось одним из доводов, на которые ссылалась требовавшая передела часть населения, и которым мотивировался передел в разных ходатайствах и в общинных постановлениях.

То же самое, несомненно, относится и к северу Европейской России: если здесь, в податных целях, правительство стремилось к введению душевого поравнения земель, то это потому, что стремление к такому поравнению существовало, если не среди всей массы, то среди известной части плательщиков, и принимавшиеся в данном направлении меры, несмотря на существование подушной системы обложения, лишь в том случае приводили к положительным результатам, если находили подготовленную почву в общем складе земельных и хозяйственных отношений.

Мы возвращаемся, таким образом, к вопросу о практических последствиях правительственного воздействия на формы крестьянского землепользования. И я позволю себе спросить, прежде всего: могло ли это воздействие привести к действительной ломке? Был ли, другими словами, правительственный аппарат XVIII века достаточно силен, чтобы навязать крестьянской жизни новые и, как думают, чуждые ей формы, притом в таких существенных основах этой жизни, как распределение земли? Ведь даже и в настоящее время, несмотря на всю сложность и сравнительное совершенство современного административного аппарата, правительственное воздействие нередко оказывается бессильным бороться с вытекающими из хозяйственной необходимости явлениями народной жизни. Напомню читателю хотя бы о многолетней борьбе с переселениями, которая не смогла предотвратить значительного роста числа, переселяющихся, тогда как благосклонная к переселению политика конца 90-х годов не мешала сокращению его размеров; об общепризнанном фиаско законодательной попытки ограничить семейные разделы, — попытки, которая несколько не сократила этого явления, несомненно, во многих отношениях нежелательного, но вызывавшегося всею совокупностью новых хозяйственных и бытовых условий, а только поставила разделы в сугубо неблагоприятные условия и вызвала разнообразные обходы ограничительного закона; о постоянных нарушениях изданного в 1893 году, тоже ограничительного, закона о переделах; наконец, о крайне слабом влиянии административного воздействия на платежно-земельные порядки в Сибири. Тем менее было мыслимо серьезное

воздействие, якобы вносящее в крестьянскую жизнь какие-то новые, измышленные администрацией начала, в XVIII в., с его слабостью по составу продажной, невежественной администрацией, которой высшие представители должны были сознаваться в своем совершенном незнакомстве с теми сторонами крестьянской жизни, которые будто бы складывались и перерабатывались благодаря их, именно, воздействию*, и которой низшие органы, за «золотую молитву», с одинаковым рвением поддерживали и сторонников, и противников передела. И это — в особенности в северных губерниях, с их крайне редким населением, разбросанным среди дремучих лесов, самая изолированность которого отнимала у разного рода «воздействий» почти всякое практическое значение. И действительно — в работе, например, г. В.В.** приводятся многочисленные случаи, когда крестьяне, несмотря на все предписания и настояния, оставались, при старых захватных формах, не производили предписывавшегося им поравнения, и когда, в конце-концов, администрация отменяла свои распоряжения, приостанавливала насильственно навязанный передел и санкционировала сохранение старых, захватных форм пользования землею. Чтобы не удлинять изложения, я не буду цитировать здесь этого рода фактов. Приведу только один любопытный случай из истории четвертных крестьян, сообщаемый г. Благовещенским на основании, впрочем, не документальных разысканий, а данных местного исследования, — именно случай, когда административное воздействие в пользу передела не только не имело положительных последствий, но, напротив, привело к диаметрально-противоположному результату. Этот случай имел место в одном из четвертных селений Фатежского уезда (в котором, вообще, несмотря на все воздействия, ни одна четвертная община не перешла к душевому поравнению), где сенокосы раньше состояли в душевом пользовании, после же посещения чиновника, посланного пропагандировать душевой раздел, крестьяне «убоялись и стали косить по дворам»***.

* В.В. Указ. соч. С. 76, 81, 83; Семевский В.И. Указ соч. С. 55, 58, 635.

** В.В. Указ. соч. С. 5, 10, 29, 31–32, 36, 45, 50, 57, 68, 119, 125, 133–135.

*** Благовещенский Н.А. Указ. соч. С. 235.

И это — в то время как в Суджанском уезде не сочувствовавший душевому пользованию «окружной» оказался «почти бессильным пресечь действие циркуляра», разъяснявшего право чет-вертников переходить к душевому пользованию: «все, что он мог делать в данном случае, исчерпывалось советами и кое-какими препятствиями и проволочками»*.

Почему же, спрашивается, правительственное воздействие в одних случаях, действительно, приводило к осуществлению переделов, в других разбивалось об упорное сопротивление крестьян? Ответ ясен: оно осуществлялось там, где среди общины, или, точнее, среди достаточно многочисленной и влиятельной группы общественников, «выработалось мировоззрение, что вся земля принадлежишь миру, что мир имеет право разделить ее, как ему угодно»; где поэтому «достаточно было незначительного толчка, чтобы ветхое здание прежней формы землевладения рухнуло и заменилось душевым поравнением»; где та или другая «бумага» должна была сыграть только роль «искры, упавшей на порох»**; где на осуществлении передела настаивали малоземельные крестьяне, обращавшиеся с жалобами по начальству***. И всякие приказания или циркуляры оставались мертвою буквою — я говорю, конечно, о правиле, а не о случайных исключениях, — когда «община не доразвилась до известной ступени, так сказать, предусмотренной законами эволюции»****; когда «идея уравнительного раздела земель еще недостаточно назрела»; когда «не находилось таких малоземельных селений (в данной цитате речь идет о междуселенном или волостном переделе. — А. К.), которые требовали бы уравнивания с селениями многоземельными, и потому естественное желание последних сохранить за собою старые владения легко могло получить удовлетворение»*****; когда, наконец, сторонники передела «подчинялись общему реше-

* Благовещенский Н.А. Указ. соч. С. 138.

** Там же. С. 137-138.

*** В.В. Указ. соч. С. 58.

**** Благовещенский Н.А. Указ. соч. С. 130.

***** В.В. Указ. соч. С. 125.

нию (противников)», объясняя, что «о разделе земли они имели просьбы в течение 10 лет, но не видели между собою спокойствия, кроме одного на другого вчиняемых исков»*, — другими словами, когда нужда в земле была еще недостаточно остра и потому сторонники передела готовы были ради устранения распрей и тяжб пожертвовать своими земельными интересами. И уже в знаменитых статьях Б.Н. Чичерина, признанного родоначальника «государственной» теории происхождения русской общины, мы находим указания на первопричину, обусловившую в одних случаях одно, в других — другое отношение общин к вопросу о переделе. «Передел земли, — говорит Чичерин**, — может установиться только тогда, когда земли становится мало, а люди не могут уходить с места и искать новых поселений. В то время — речь идет о XVI веке — земли было вдоволь, люди же не только свободно уходили с места, но постоянно переходили с места на место, — как же тут образоваться переделу?» Но «с умножением населения в общине, — говорит Б.Н. Чичерин в другом месте***, — при невозможности (а также — добавляю от себя — при затруднительности или невыгодности. — А. К.) перехода, должно было неизбежно установиться неравенство; следовательно, для восстановления первоначального нормального отношения необходим был передел земель; это сделать было легко, ибо земля принадлежала казне или частному лицу, а крестьяне были только временные владельцы, укрепленные на ней для государственной пользы». Таким образом, передел, который, по очевидно справедливому мнению Чичерина, был совершенно несовместим с условиями населенности и землевладения в XVI веке, представляется этому ученому совершенно естественным и даже необходимым при умножении населения****. Сгущение населения и сокращение земельного простора подготавливает ту почву, на которой назревает передел; оно увеличивает число недовольных,

* В.В. Указ. соч. С. 32.

** Чичерин Б.Н. *Опыты по истории русского права*. М., 1858. С. 99.

*** Там же. С. 44.

**** Сходные указания находим, например: Семевский В.И. *Указ соч.* С. 648; В.В. Указ. соч. С. 4, 63, 72, 143.

настаивающих на переделе, и отнимает сильнейшую опору от притязаний широкодачников.

Вопрос, таким образом, только в том, существовала ли на севере Европейской России, в эпоху межевых инструкций и последовавших за ними правительственных распоряжений, направленных к водворению общинно-уравнивательных форм землепользования, готовая почва для развития и упрочения этих форм? В частности, можно ли предполагать, что русский север в то время достиг той степени населенности и земельного утеснения, на которой возникшее земельное неравенство может быть устранено лишь посредством передела? И здесь я позволю себе решительно разойтись с мнением г. В.В. По мнению этого автора*, в северных губерниях Европейской России, и в частности — в удельных владениях, «благодаря размножению населения уже ясно почувствовалось утеснение в земле, и настало время регулирования, в интересах всех, пользования ею». Мне кажется, напротив, что совокупность приводимых уважаемым автором данных способна привести скорее к противоположному заключению. Как констатирует г. В.В. на той же странице, северная община «оказалась не в силах сама справиться со всеми затруднениями нравственного, юридического и экономического характера, стоявшими на пути введения общих переделов земли». Потребовалось, чтобы устранить эти препятствия, вмешательство правительственной власти. И это вмешательство не было, для данной местности и в данную эпоху, незначительным толчком, заставляющим рушиться уже шатающееся здание, не было маленькою искрою, производящею взрыв накопившегося горючего вещества. Чтоб добиться осуществления переделов, правительству пришлось прибегнуть к усиленным давлениям и настояниям, — но даже и эти настояния во многих случаях, вероятно в большинстве, остались более или менее безрезультатными; остались безрезультатными именно потому, что в среде самих общин, как видно и из данных г. В.В., еще недостаточно созрело убеждение в необходимости передела; что внутри их не было налицо тех многочисленных и влиятельных элементов, которые были бы достаточно заинтересованы во введении пере-

* В.В. Указ. соч. С. 7.

делов и достаточно сильны, чтобы добиться их осуществления. Воздействие правительственной власти в пользу переделов, в данном районе и в данную эпоху, было *преждевременным*, так как земельный простор был здесь еще достаточно велик, и потому захватные формы землепользования еще не утратили своего законного права на существование. История землевладения на нашем севере является, поэтому, не доказательством творческой роли административного воздействия, а скорее доказательством его бессилия, где оно не находило подготовленной почвы во внутренней эволюции форм пользования землею. Ведь даже и по настоящее время захватные формы, несмотря на межевые инструкции и на все последующие правительственные воздействия, весьма распространены, если не господствуют на севере России; еще в 70-х годах настоящего столетия сенокосные расчистки в средних уездах Вологодской губернии, как знают читатели из работ Соколовского¹⁹, Щепотьева²⁰, Лалоша²¹, вводились в крестьянские наделы в качестве участков подворного владения, а на северо-востоке этой губернии захват сохранился в совершенно чистом виде и до наших дней*.

Я лично, поэтому, склонен думать, что на севере Европейской России межевые инструкции и другие проявления правительственного воздействия в пользу переделов были действительно, как выражается А.Я. Ефименко, «декретами конвента»; что это воздействие *здесь* было, в виде общего правила, не менее преждевременно, нежели циркуляры 80-х годов XIX столетия где-нибудь в Иркутской или Енисейской губерниях. Но из этого, мне кажется, отнюдь не следует, чтобы *русская община вообще* была продуктом государственного воздействия на народную жизнь. Такой, по моему убеждению, ошибочный вывод, как и вообще «существующие, в нашей литературе разногласия по вопросу о происхождении общинного землевладения в России, обуславливается, по справедливому мнению г. В.В.**», главным

* Один из новейших исследователей, г. Рума, еще в 1902 году описывает «подворное землепользование» (вернее — захватное!) как преобладающую форму для Усть-Сысольского уезда, Вологодской губернии (Рума Л.Н. К вопросу о колонизационной пригодности Летского и Ногшульского лесничеств Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Пермь, 1902. С. 92–94).

** В.В. Указ. соч. С. 7.

образом, крайним недостатком относящегося сюда фактического материала». И притом материал этот, по самому существу дела, как тщательно ни изучаются, и ни будут изучаться разные архивы, неизбежно будет чрезвычайно односторонним и необходимо будет, поэтому, давать не только *неполное*, но и *неправильное*, однобокое представление о действительном ходе эволюции форм русского крестьянского землевладения.

Некоторые намеки в этом смысле мы можем найти, между прочим, в так много использованной мною работе г-на В.В. об удельных крестьянах*. «Наши сведения, — говорит г. В.В., — о ходе первого уравнивания земли среди удельных крестьян Вологодской губернии, заимствованные из дел центрального учреждения уделов, заканчиваются, приблизительно, серединой первого десятилетия восьмисотых годов. Это значит, что *возникшие позже этого времени недоразумения при разделе разрешались на месте и не восходили на рассмотрение* (курсивы мои. — А.К.) департамента уделов». Г-н В.В. указывает затем на то, что его материалы, изобилуя данными о междуселенных уравниваниях, «весьма бедны сведениями относительно разверстки земли между хозяевами одного селения; причину сказанного, — говорит он, — надлежит видеть *в мирном характере этого акта, в отсутствии таких споров и недоразумений, которые требовали бы вмешательства администрации*». Обобщая сказанное: *при мирном, спокойном течении эволюции форм крестьянского землепользования, отдельные моменты этой эволюции не оставляют документальных следов, — и эти последние возникают лишь тогда, когда явились затруднения или недоразумения, требующие вмешательства правительственной власти.*

В самом деле: в настоящее время, как известно, земельно-податные порядки внутри общин поставлены под известный контроль правительства. Приговоры о раскладках и переделах должны записываться в особые книги, имеющиеся в волостных правлениях, и требуют утверждения земских и крестьянских начальников или равнозначащих им учреждений; правительствен-

* В.В. Указ. соч. С. 43, 75, 104, 106, 160.

ный надзор стоит гораздо ближе к крестьянской жизни, гораздо чаще, так или иначе, в нее вмешивается, вмешательство это гораздо чаще оставляет какие-либо бумажные следы, нежели это могло быть сто или полтора-два столетия тому назад. И, тем не менее, «живая история общины», если бы она писалась на основании одного только документального материала, дала бы совершенно превратное представление о ходе эволюции форм землепользования на наших окраинах: историк, оперирующий над одними только документами, едва ли мог бы избежать серьезных ошибок в понимании смысла самих документов (пример — переуступочные акты!) и принимал бы за действительность все то, что было только фикцией; он ничего не знал бы о тех случаях, когда писавшиеся приговоры оставались без исполнения или исполнялись не так, как они были написаны; ничего не знал бы о тех процессах постепенной эволюции форм пользования угодьями, которые являются нормальным типом перехода от захватных форм к уравнильно-душевому владению, и вообще о всех тех проявлениях общинного начала, которые совершаются без всякого письменного постановления, вообще не оставляют после себя никакого документального следа. И если бы ему случайно удалось найти в книгах решений волостных судов или в делопроизводстве уездных и губернских учреждений указания на тяжбы и недоразумения, проистекшие из столкновения вымиряющего захватного начала с нарастающим общинно-уравнильным, то ему пришлось бы либо оставаться в совершенном недоумении относительно действительного смысла этих документальных указания, либо, может быть, понять их совершенно не соответственно их настоящему значению. *Лишь интерполируя сравнительно бедные и не всегда ясные указания документов в те богатые ряды фактов, которые добыты путем местного исследования,* — другими словами, интерпретируя показания документов свидетельствами источников повествовательного характера, *исследователь «живой истории общины» получает возможность построить более или менее полную картину эволюции форм землепользования,* — картину, совершенно не похожую на те контуры, которые было бы возможно набросать на основании одного лишь документального материала.

Все сказанное, кажется мне, применимо к истории общины в Европейской России. Я оставляю совершенно в стороне вопрос, *были ли*, или нет, в XVI или XVII столетии переделы пахотных земель; существовали ли в то время, или нет, ежегодные переделы сенокосных угодий; как происходил — если происходил — независимый от административного воздействия переход от захватных форм к общинно-уравнительным, и какое место в естественном процессе развития форм землепользования должно быть отведено долевым или складнической форме владения, так хорошо изученной, по документам, у крестьян архангельского и вологодского полесья*. Меня занимает в данную минуту только вопрос: *может ли знать о таких фактах*, если они были, *оперирующий одними документами историк?* Можно ли надеяться восстановить, по документам, *действительный* вид и *действительную* эволюцию форм землепользования в XVI, XVII или XVIII веке? И ответ на этот вопрос должен быть, по моему крайнему разумению, отрицательный. Документ, при отсутствии на этот счет, в те отдаленные времена, каких-либо определенных требований закона, при более или менее поголовной безграмотности, ни в каком случае не может считаться неременным спутником даже коренного передела пахотных земель, который чаще всего происходил, вероятно, как происходит иногда и посейчас, по простому, ничем не оформленному соглашению общественников. Лишь в виде исключения — раз только передел обошелся без вмешательства правительственной власти — от него мог остаться какой-либо документальный след, и потому отсутствие такого следа ни в каком случае не

* Мимоходом замечу, что долевое владение, как его изображает г-жа Ефименко, вполне свободно умещается в схеме естественного, не предполагающего давления со стороны, развития форм землепользования. В известной работе М.М. Ковалевского, посвященной, главным образом, общинному землевладению в Индии, показывается, как «индивидуальные наделы перестают зависеть в своем протяжении от близости их владельцев к общему родоначальнику; больший или меньший размер их определяется теперь тем, как велико пространство земли, подвергаемое фактической обработке тем или другим семейством [трудо-вой захват! — А. К.]; как затем «неравномерность наделов подает повод к спорам между членами общин, — спорам, в которых одни стоят за существующую нарезку, другие требуют передела», причём, люди, требующие передела, стоят за равномерность участков и одинаково враждебны как системе определяемых наследственным правом наделов, так и системе санкционированного фактического владения» (Ковалевский М.М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Ч. 1. М., 1879. С. 80–81).

может рассматриваться как доказательство отсутствия факта передела. Если даже след остался и сохранился до нашего времени, то документ, говоря словами Бернгейма, и не преследовал ведь цели быть понятным во все будущие времена, и потому свидетельства документов — как мы это видим на примере актов, используемых П.А. Соколовским и другими авторами — допускают самое разнообразное понимание и истолкование. И уже окончательно не могли оставить документального следа такие факты внутриобщинной жизни, как ежегодный передел покосов, как в особенности те отводы, отрезки и прирезки, при помощи которых скорее всего мог совершаться — если, повторяю, совершался — естественный переход от чистого захвата к душевому пользованию, или как еще труднее уловимые переходной формы от вольного пользования к ежегодному переделу, — явления, которые и в настоящее время протекают, не оставляя после себя никакого документального следа.

«Старинные кодексы, — говорит М.М. Ковалевский*²², разбирая вопрос о значении источников истории индийской общины, — являются скорее сборниками религиозных и нравственных правил, нежели сводом всех действующих у известного народа обычаев и форм. Их цель — не столько кодифицировать обычное право, сколько свести, воедино массу изменений, внесенных в него верховною властью под влиянием требований, предъявляемых ей привилегированными сословиями, и в числе их прежде всего духовенством (курсив мой. — А. К.). При таких условиях, — заключает проф. Ковалевский, — неудивительно, если повседневные явления общественной жизни менее всего останавливают на себе внимание законодателей, и регулирующие их обычаи не входят вовсе в составляемые ими своды, продолжая жить по-прежнему во внутренних распорядках отдельных общин, родов и семей». Mutatis mutandis, сказанное применимо и к документальным источникам изучения истории русской общины. Нормальная жизнь шла, определяясь обычаем и не оставляя после себя, в виде правила, никакого документального следа; лишь случайно, при таком

* Ковалевский М.М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. С. 72.

ходе вещей, появлялся письменный след, в виде записи писца или иного официального акта, да и то «не предназначенного для понимания во все будущие времена». Документ возникал именно тогда, когда нормальное развитие «внутренних распоряжков отдельных общин, родов и семей» осложнялось каким-либо вмешательством правительственной власти: когда эта власть, по собственной инициативе (например, в податных целях), находила необходимым повлиять на внутриобщинные отношения, или когда к ее помощи обращались, из среды общины, отдельные лица или группы лиц, недовольные распоряжениями общины, либо, наоборот, не имевшие способа добиться от нее удовлетворения своих притязаний. И если не всегда, то весьма часто, вмешательство правительственной власти в дела русской земельной общины вызывалось, как и появление тех или иных статей в индийских кодексах, требованиями юридически-привилегированных сословий или фактически — привилегированного, в силу своей зажиточности, меньшинства деревенского населения: правительственная власть вмешивалась либо чтобы оградить обширные захваты зажиточных противников передела, либо чтобы отстоять интересы представителей духовного или городского класса, церквей и монастырей, приобретших путем покупки, завещания или дарения освоенную отдельными общественниками землю. Так или иначе, во всяком случае, письменный документ только потому и появится, что в данном случае имело место либо обращение к правительственной власти, либо непосредственное ее вмешательство в общинные распоряжки; происходили ли в общине, или нет, какие-либо события, *не вызванные* вмешательством администрации или суда и, в свою очередь, его не вызывавшие, — во всяком случае такие события, в виде правила, *не могли* оставить документальных следов, и потому отсутствие таких следов не может служить доказательством ни существования ни несуществования соответствующих событий; эти последние остаются *недоказанными*, но они и *не опровергаются* отсутствием документов. События, происходившие внутри общины, помимо правительственного вмешательства, могли бы быть изучаемы лишь на основании дан-

ных исторической традиции, и только данные, полученные из источников этой категории, могли бы выяснить истинный характер тех явлений, к которым относится документальный материал, уяснить их жизненную, бытовую обстановку, помочь историку пополнить пробелы документального материала и отделить действительные факты от документальных фикций. Но если не считать немногих, отрывочных и не всегда ясных показаний, история форм крестьянского землевладения пока не располагает такого рода материалом. И пока она им не располагает, всякие дальнейшие исследования, как бы ни были велики запасы могущих еще быть найденными документов, неизбежно будут давать неполные, а главное — односторонние результаты.

На этом заканчиваются те историко-методологические соображения, которыми мне хотелось заключить эту книгу. Цель их была — ближе выяснить значение той «живой истории» общины, которую рисуют нам современные местные исследования, для освещения явлений давнего прошлого; показать, что, изучая «живую историю», мы приобретаем ключ к уяснению гораздо более широко поставленных общих вопросов, мы открываем себе путь к гораздо более широким обобщениям. Изучая «живую историю», мы применяем к изучению истории давнего прошлого тот самый «метод переживаний», который рекомендуется М.М. Ковалевским: чтобы пополнить пробелы, оставляемые документальными источниками, «мы обращаемся к изучению действующих в наше время обычаев и обрядов, с целью найти в них какие-нибудь следы исторической старины». Но *пределы убедительности* тех заключений, к которым приводит пользование этим методом, приходится признать довольно ограниченными. Изучая живую историю, применяя метод переживаний, мы можем с достаточной, мне кажется, научною объективностью прийти к тому заключению, что эволюция форм крестьянского землевладения и землепользования и в прошлом *не могла быть* продуктом административного воздействия; что это последнее могло играть и здесь лишь более или менее случайную, более или менее побочную роль; что оно могло, в известных случаях, только *ускорять* естественную эволюцию, но не в состоянии

было *навязать* крестьянской жизни чуждые и нежелательные ей формы. Но наше положение станет гораздо более рискованным, если мы пойдем дальше этого чисто-отрицательного, заключения; если мы захотим путем приложения метода переживания достигнуть и положительных заключений, — если, в частности, мы будем пытаться этим способом реконструировать картину действительной эволюции крестьянского землевладения и землепользования в нашем отдаленном прошлом, а тем более, если мы этим методом захотим выяснять причины интересующей нас эволюции. Я лично думаю, что, при полном тождестве условий, эволюция крестьянского землевладения и землепользования в Европейской России должна была идти, в общих чертах, тем же путем, каким она еще и в настоящее время идет на наших мало-земельных окраинах. Но я не могу не сознавать, что такого рода основанное на аналогии заключение будет убедительно только для того, кто так или иначе предрасположен к теории самопроизвольного зарождения и развития форм общинного землевладения и землепользования...

Примечания

¹ **фон Гакстгаузен Август** (1792–1866) — прусский чиновник, писатель по аграрным вопросам, барон. В апреле-октябре 1843 г. при материальной поддержке русского правительства совершил путешествие по Центральной России, Украине, Поволжью и Кавказу с целью изучения русской крестьянской общины.

² **Аксаков Константин Сергеевич** (1817–1860) — публицист, историк, поэт, лингвист, литературный критик, один из идеологов славянофильства.

³ **Беляев Иван Дмитриевич** (1810–1873) — русский юрист, историк, профессор по кафедре русского законодательства Московского университета.

⁴ **Чичерин Борис Николаевич** (1828–1904) — русский юрист, историк, профессор по кафедре государственного права Московского университета. Почетный член Петербургской академии наук (1893).

⁵ **Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич** (1863–1919) — русский историк, археограф, источниковед, ординарный академик Петербургской академии наук (1905).

⁶ **Милоков Павел Николаевич** (1859–1943) — русский историк, политический деятель, публицист. С 1916 г. почетный доктор Кембриджского университета.

⁷ **Сергеевич Василий Иванович** (1832–1911) — русский историк права, профессор истории русского права Санкт-Петербургского университета.

⁸ **Чупров Александр Александрович** (1874–1926) — русский статистик, экономист, член-корреспондент Российской АН (1917), член Международного статистического института, член-корреспондент лондонских королевских экономических и статистических обществ.

⁹ **Воронцов Василий Павлович** (псевдоним — В.В.) (1847–1918) — русский экономист, социолог и публицист, идеолог народничества.

¹⁰ **Ефименко Александра Яковлевна** (1848–1918) — русский историк, этнограф, общественный деятель. Первая в России женщина — почетный доктор российской истории (1910).

¹¹ **Рожков Николай Александрович** (1868–1927) — русский историк, деятель революционного движения, публицист. Работа «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» (М., 1899) была защищена на степен магистратуры истории (1900).

¹² **Quod non est in actis, non est in mundo** (лат.) — чего нет в документах, того нет в природе.

¹³ **Ланглуа (Langlois) Шарль-Виктор** (1863–1929) — французский историк-медиевист. Член Академии надписей (1917). Профессор истории средних веков и палеографии в Сорбонне, директор Национального архива (с 1912).

¹⁴ **Сеньобос (Seignobos) Шарль** (1854–1942) — французский историк. С 1890 преподавал в Сорбонне. Помимо трудов по древней, средневековой и новой истории автор работ в области методики исторического исследования.

¹⁵ **Бернгейм (Bernheim) Эрнст** (1850–1942) — немецкий историк, источниковед и методолог истории.

¹⁶ **Семевский Василий Иванович** (1848 (1849)–1916) — русский историк либерально-народнического направления, автор работ по социальной истории и истории крестьянства.

¹⁷ **Благовещенский Николай Андреевич** (1858–?) — земский статистик (Курская губерния), податный инспектор, публицист.

¹⁸ **Ходский Леонид Владимирович** (1854–1919) — русский экономист, статистик, публицист. Работа «Поземельный кредит и отношение его к крестьянскому землевладению» (М., 1881) была защищена на степен магистратуры политической экономии (1883).

¹⁹ **Соколовский Павел Александрович** (1842–1906) — русский историк, библиотекарь исторического отделения Императорской публичной библиотеки, исследователь истории русской земельной общины. «Очерк истории сельской общины на севере России» (СПб., 1877), «Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей пред крепостным правом» (СПб., 1878).

²⁰ **Щепотьев Сергей Александрович** (ок. 1857–?) — народоволец, публицист, автор работ по экономическим вопросам, публиковавшихся на страницах «Юридического вестника», «Северного вестника», «Русской мысли». На страницах последнего журнала, в частности, была опубликована работа «К истории разрушения сложных форм общинного землевладения на севере» (1883).

²¹ **Лалош А.А.** (?–?) — чиновник Министерства государственных имуществ, участвовал в составлении и выдаче владенных записей по Олонецкой губернии, результатом чего стали статьи «Сельская община в Олонецкой губернии» и «Владенные записи в Олонецкой губернии и общественно-экономическое значение их для нашего Севера вообще» в журнале «Отечественные записки».

²² **Ковалевский Максим Максимович** (1851–1916) — русский юрист, историк, социолог эволюционистского направления и общественный деятель.

Публ. и прим. *Д.Я. Майдачевского*